

ПОГРЕБЕНИЯ НА ПОСЕЛЕНИЯХ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОГО УРАЛА: АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ, НОРМАТИВНЫЕ ИЛИ ДЕВИАНТНЫЕ?

Наталья Александровна Берсенева

Институт истории и археологии УрО РАН, Челябинск, Россия

E-mail: bersnatasha@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена систематизации, анализу и интерпретации захоронений на поселениях бронзового века Южного Урала. Погребения были поделены на два хронологических периода (абашевско-синташтинский и срубно-андроновский) и три типа. К *первому типу* могут быть отнесены захоронения, устроенные в соответствии с правилами, диктуемыми погребальными канонами. Здесь есть примеры как детских захоронений, так и взрослых. *Второй тип* – погребения, не соответствующие канонам обрядности, расчлененные, изувеченные тела в нестандартной позиции. Все они, судя по имеющимся данным, принадлежали взрослым, мужчинам в большей степени, чем женщинам. И наконец, *третий тип* – находки отдельных костей или частей скелета, как правило, и детских, и взрослых. Можно заключить, что в ранний период (абашевско-синташтинский), погребения детей на поселениях является вариантом нормативной погребальной практики, взрослые выглядят скорее девиантными. В последующий период погребения взрослых на поселениях уже допускаются нормативной погребальной практикой, однако, ряд захоронений являются девиантными. В целом, девиантные погребения связаны в оба периода с взрослыми индивидами.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Южный Урал, захоронения на поселениях

Цитирование. Берсенева Н.А., 2021. Погребения на поселениях эпохи бронзы Южного Урала: альтернативные, нормативные или девиантные? // Уфимский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 206-214. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.2.002>

UDC 903.5(470.5)»638»
LBC 63.442(235.55)

Submitted: 20.09.2021
Accepted: 10.10.2021

HUMAN BURIALS AT THE BRONZE AGE SETTLEMENTS IN THE SOUTHERN URALS: ALTERNATIVE, NORMATIVE OR DEVIANT?

Natalia A. Berseneva

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS, Chelyabinsk, Russia

E-mail: bersnatasha@mail.ru

Abstract. The human burials, located on the territory of the Bronze Age settlements are rather numerous in the Southern Urals region. A major debate among scholars is whether we should consider these burials “normative”, “alternative” or “deviant” for different periods and cultures. This paper has two main objectives related to the aforementioned research problem. First, it aims to investigate the settlements of the Sintashta, Petrovka, Alakul’ and Srubnaya cultures in terms of their burial practices. Second, it tries to define the key features of “normative” and “deviant” funerary rituals and to explore if the burials located at the Southern Urals settlements were a part of “normative” burial ritual or not. The research showed that the Bronze Age settlement burials in the Urals could be divided into three main groups. The first group includes burials that were arranged in accordance to the common burial rules: flexed position, on the left side, sometimes with grave goods. The second group has burials that did not match the rules of proper mortuary treatment: dismembered, mutilated bodies in non-standard position. All of these burials contained corpses of adults, presumably males. The third group is represented by finds of separate human bones or parts of skeletons, which belonged to both adults and children. These results suggest that in the Early Bronze Age (Sintashta-Abashevo and Petrovka cultures) children’s burials were a variant of the normal burial ritual while adult skeletons were rather “deviant”. In the following periods (Srubnaya and Alakul’ cultures) most adult burials become more “normative”, however some burials were still rather “deviant”. In general, “deviant” burials were related to adult individuals during both periods.

Keywords: Bronze Age, Southern Urals, settlements

Citation. Berseneva N., 2021. Human burials at the Bronze Age settlements in the Southern Urals: alternative, normative or deviant? *Ufimskij arkheologicheskij vestnik* [The Ufa Archaeological Herald]. Vol. 21, no. 2, pp. 206-214. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.2.002>

Традиция погребения умерших в постройках (жилых или оставленных) имеет широкое распространение во времени и пространстве [Берсенева и др., 2019]. Считается, что появление этой одной из древнейших форм погребального обряда мар-

кирует собой переход к оседлому образу жизни и производящему хозяйству [Антонова, 1990. С. 38]. Данный обычай восходит к мезолитическому времени Ближнего Востока и ассоциируется с поселениями первых земледельцев. Но если обычай

погребения взрослых в «домашнем контексте» в основном ограничен мезолитом-неолитом, то интрамуральные детские захоронения зафиксированы очень широко и практиковались в обществах различного уровня сложности, включая государства.

На Южном Урале в эпоху бронзы дети и взрослые обычно погребались на экстрамуральных кладбищах, то есть, на специально выбранных участках за пределами поселений. Традиция погребений в границах жилого пространства появилась на данной территории, вероятно, вместе с абашевским или синташтинским населением, и получила свое развитие в последующий срубно-андроновский период.¹ Исходя из имеющихся на настоящий момент данных по Южному Уралу и сопредельным территориям [см. подробнее: Куприянова, 2018], погребения на поселениях являлись одним из возможных (альтернативным) способов отдаления умерших в бронзовом веке.

Погребения на поселениях в абашевско-синташтинский период

Большая часть погребенных на поселениях в абашевско-синташтинский период – дети. Захоронения взрослых обнаружены лишь на двух памятниках, они будут рассмотрены ниже.

Захоронения детей под полами построек обнаружены на всех синташтинских поселениях, которые раскапывались большими площадями: Аркаим, Устье² и Каменный Амбар [Алаева, 1998; Виноградов, Берсенева, 2013; Зданович Г., Малютина, Зданович Д., 2020. С. 261, 301, 304],³ а также на петровском поселении Кулевчи III [Виноградов, 1982]. Детские погребения располагались при входе и вблизи стен построек (Аркаим, Устье I, Кулевчи III), в колодце (Аркаим), в центре жилища близ колодца (Каменный Амбар).

Судя по опубликованным данным, детских захоронений этого периода насчитывается, как минимум, десять [см. подробнее: Виноградов, Берсенева, 2013. Рис. 2]. При этом, собственно синташтинскими пока уверенно можно считать лишь захоронения, обнаруженные на поселениях Аркаим и Каменный Амбар. Погребение на Каменном Амбаре отличается значительной глубиной от уровня пола жилища (70 см), наличием деревянной конструкции и жертвенника, и было расположено в центре постройки близ колодца. Умершего сопровождал сосуд синташтинского типа. Петровские погребения устроены в ямах небольших размеров, относительно мелких (20–30, максимум 50 см глубиной), и содержали только посуду. Их местоположение тяготеет к входам, стенам и углам помещений. Надо отметить, что и в синташтинском, и в петровских случаях, обряд интрамуральных захоронений в целом соответствует экстрамуральному, включая установку посуды и, в синташтинском погребении, жертвенника.

Недавно опубликованные погребения из жилищ 2 и 6 внутреннего круга построек Аркаима (погребения младенцев, устроенные в специальных ямах), также относятся к раннему периоду. Погребение из постройки 2 (яма 4) локализовалось у стены и было относительно глубоким – 50 см ниже уровня пола. Умерший был уложен в стандартной позиции на левом боку с подогнутыми ногами и кистями рук у лица, головой на север. В головах был поставлен сосуд синташтинского облика. Авторы отмечают, что заполнение погребения было прорезано ямой от более позднего столба [Зданович Г., Малютина, Зданович Д., 2020. С. 261. Рис. 3.2.1; 3.2.5; 3.2.6]. Второе погребение было обнаружено в жилище 6 (яма 4). Ребенок также был уложен в обычную позицию, головой на юго-запад и сопровождается сосудом с «воротничком» петровского облика [Зданович Г., Малютина, Зданович Д., 2020. С. 304. Рис. 3.6.1; 3.6.11; 3.6.12–1]. Обряд захоронений младенцев на Аркаиме в целом схож с интрамуральными захоронениями петровской культуры на поселении Устье I [Виноградов, Берсенева, 2013. Рис. 5; 6].

На поселении Аркаим были обнаружены человеческие останки в колодце (жилище 1–6, яма 1). Г.Б. Зданович и его соавторы полагают, что там были захоронены двое покойных, от одного из них сохранился череп и некоторые кости, от другого – посткраниальный скелет и фрагменты черепа. Второй погребенный (подросток, как полагают авторы публикации) лежал на левом боку в сильно скорченном состоянии и был частично перекрыт крупной каменной плитой. Останки находились в средней части заполнения колодца, артефакты, уверенно связанные с ними, не установлены [Зданович Г., Малютина, Зданович Д., 2020. С. 298–301. Рис. 3.6.9].

Существует определенная проблема с определением возраста погребенных. Отсутствие антропологических исследований для останков с поселения Аркаим затрудняет их интерпретацию, особенно, костей из колодца. В неглубоких ямах на поселении Кулевчи III остался лишь тлен от черепных костей, а в одном случае кости не сохранились. Вероятно, погребенные были едва родившимися младенцами. Такая же ситуация, несмотря на основательную глубину ямы, была зафиксирована на Каменном Амбаре [Krause, Koryakova, 2013. P. 108–109]. В погребениях Устья двое детей были на момент смерти возрастом около 1 года, один новорожденный, а кости четвертого почти полностью истлели. Вероятно, что среди погребенных преобладали дети возрастом от 0 до 6 месяцев.

До недавнего времени погребений взрослых индивидов на синташтинских и петровских поселениях зафиксировано не было. Однако, не так давно погребение синташтинского времени было обнаружено на поселении Малоюлдашево I в Западном Оренбуржье [Моргунова и др., 2015; Поселение Малоюлдашево I..., 2016]. Поселение

¹ Мы придерживаемся периодизации бронзового века Южного Урала, предложенной А.В. Епимаховым [Епимахов, 2010].

² На Устье детские погребения соотносятся с петровским горизонтом обитания.

³ Исключение составляет поселение Синташта.

содержит материалы от неолита до срубного времени, однако исследованные объекты (постройки) связаны, судя по всему, со срубным горизонтом. Построек синташтинского времени зафиксировано не было. Обнаружено лишь небольшое количество керамики этого периода (7,8% от коллечки), которая «была распространена по всей площадке памятника» [Поселение Малоюлдашево I..., 2016. С. 65]. Стратиграфически абашевско-синташтинский горизонт также не вычленялся [Там же. С. 67].

Захоронение трех взрослых человек было обнаружено близ стен постройки срубного времени, оно не было заглублено в материк [Моргунова и др., 2015. Рис. 2]. Пожилой мужчина был уложен скорченно на правом боку. Его сопровождал сосуд, бронзовое шило и кость КРС. В ногах умершего лежали сложенные в кучку останки более молодого мужчины (30–40 лет) и кости ног от пяти особей овцы. За спиной пожилого мужчины была похоронена молодая женщина, уложенная вытянуто на спине. Ее череп носил следы травм от «проникающего орудия» [Там же. С. 66].

Нельзя не согласиться с авторами публикации, что погребение является нетипичным во всех отношениях.

Во-первых, непонятно хронологическое соотношение погребения и постройки. Почти невероятным выглядит предположение, что поселение было заложено на раннем кладбище – поблизости нет других захоронений, погребение не заглублено в материк, тогда как известно, что синташтинские ямы были глубокими, ну и, наконец, у нас нет примеров для эпохи бронзы, где люди захотели бы поселиться на кладбище. Остается предположить, что погребение было устроено ситуативно, в силу необходимости. Позже здесь возникло поселение, но могила при этом не была разрушена. Значит ли это, что она была заметна на поверхности, как-то маркирована или люди знали о ней? Другая версия состоит в том, что погребение и постройка были относительно синхронны [Поселение Малоюлдашево I..., 2016. С. 45]. Однако, в этом случае, наличие чужого погребального комплекса в жилом пространстве срубного населения выглядит странным. Остается признать, что довольно трудно найти логическое объяснение, в которое укладывались бы все эти факты.

Во-вторых, несмотря на известную вариативность синташтинской погребальной практики, данное погребение нарушает устойчивую до этого момента норму – погребение мужчин только на левом боку. Позиция остальных также нестандартна. Авторы публикации полагают, что именно пожилой мужчина, уложенный на правый бок, был «основным погребенным» [Там же. С. 68], а остальные «находились в подчиненном положении» благодаря их размещению – в ногах и за спиной, к тому же оба были «явно умерщвлены насильственно» [Там же. С. 67–68].

Представляется, что пожилой мужчина и женщина находятся в равноправной позиции, так как оба бережно уложены, несмотря на то, что в

необычной для синташтинской погребальной обрядности манере. Оба были сопровождаемы инвентарем и жертвоприношениями животных, у женщины инвентарь даже «богаче». Что же касается насильственной смерти женщины, то мы не знаем, как умер старший мужчина, возможно, тоже не своей смертью. В-третьих, следовательно, надо отметить, что до этого антропологи не находили подобных несовместимых с жизнью травм на синташтинских скелетах.

Останки второго мужчины, как и кости животных, видимо, представляют собой своеобразный жертвенный комплекс, что сразу обращает на себя внимание при изучении плана захоронения [Там же. Рис. 2].

Можно предложить несколько вариантов интерпретаций. Возможно, погребение возникло потому, что по каким-то причинам не было возможности захоронить умерших на обычном кладбище. Например, оно было слишком далеко от места их гибели. Или их намеренно погребли вне пределов родового могильника. Причиной могли послужить «неправильные», «опасные» обстоятельства смерти. Эти люди могли быть жертвами нападения и убийства, или казни. Непросто интерпретировать останки субъекта 3. Есть серьезные основания полагать, что мы имеем здесь дело с установленным фактом человеческого жертвоприношения или останками изгоя, преступника или врага (иноплеменника?), которые, наряду с костями овцы, являлись составляющей жертвенного комплекса.

Еще одним важным источником, относящимся к данному периоду истории Южного Урала, являются погребения на Мало-Кизильском селище [Сальников, 1954. С. 67–81; 1967. С. 35–38]. Памятник имеет абашевскую культурную атрибуцию, но он был сильно поврежден (фактически уничтожен) уже к моменту первых раскопок в 1948 году. На селище было заложено два раскопа, человеческие останки были обнаружены в обоих. В одном из раскопов был найден обожженный скелет человека, лежавшего на уровне древней поверхности, на спине, с одной подогнутой ногой. Рядом с плечевой костью умершего находился бронзовый нож. Культурный слой в этом раскопе содержал большое количество продуктов горения, жилищных структур обнаружено не было.

Во втором раскопе (траншея III) был вскрыт участок жилища (?) с погребением ребенка (кремация) ниже уровня пола. Среди останков были зафиксированы серебряные височные подвески и бронзовый браслет [Сальников, 1967. С. 36]. Кроме того, за пределами постройки, на уровне древней поверхности, был найден «неполный костяк человека» в позиции «ничком», кости рук находились в неестественной позиции, кости ног отсутствовали, как и череп, за исключением нижней челюсти. Возле скелета были найдены бронзовый браслет и серебряное височное кольцо [Сальников, 1967. С. 37–38].

Не имеет смысла еще раз обсуждать очевидную уникальность памятника. Автор раскопок

трактует первое захоронение как результат ритуальной деятельности [Сальников, 1954. С. 73], а третье (женское?) как «следы насильственной смерти и древнего расчленения трупа» [Сальников, 1967. С. 38].

Раскопанные участки слишком малы, чтобы можно было делать уверенные заключения. Имеющей право на существование представляется версия о том, что поселок, учитывая большое количество продуктов горения в слое, особенно в раскопах I и II, мог погибнуть в результате нападения и последовавшего затем пожара [Черных, 1972. С. 69–70; Пряхин, 1976. С. 108–109]. Однако, захоронение ребенка очевидно было преднамеренным и устроенным до гибели поселка, судя по тому, что оно находилось под полом постройки, при умершем сохранились украшения. Для абашевских поселений Приуралья такие погребения не характерны, тем более кремации. Судя по данным В.С. Горбунова, кремации единично были зафиксированы в абашевских могильниках Нижне-Чуракаевский и Чукраклинский [Горбунов, 1986. С. 43–44], но, так как останки антропологами не изучались, судить однозначно об их принадлежности виду *homo sapiens* не представляется возможным. Таким образом, Мало-Кизыльское селище остается уникальным примером абашевского поселка, который, вероятно, погиб в результате военной катастрофы, а также продемонстрировал пример детского захоронения согласно нехарактерному для данного населения обряду.

Погребения на поселениях в срубно-андроновский период и в эпоху финальной бронзы

Не будет большим преувеличением сказать, что погребения человеческих останков на поселениях позднего бронзового века Южного Урала довольно многочисленны [Порохова, 1989; Нелин, 2004; Стоколос, 2004; Антипина, 2004. С. 239; Обыденнова и др., 2008; Гарустович, Котов, 2007; Файзуллин, 2012; Купцова, Файзуллин, 2012; Древнее Устье..., 2013; Чемякин, 2015; Петров, Куприянова, 2016; Куприянова, 2018. Табл. 1]. В отличие от большинства интрамуральных захоронений абашевско-синташтинского периода, это захоронения не только маленьких детей, но и взрослых индивидов. Публикации памятников часто оставляют желать лучшего, материалы некоторых не опубликованы совсем, но все же, по приблизительным подсчетам, можно установить, что погребения людей обнаружены минимум на 20 поселениях эпохи бронзы Южно-Уральского региона. При этом, некоторые захоронения выглядят преднамеренными, когда покойные уложены в характерную для обычного погребального обряда позицию, а другие костяки выглядят просто брошенными без какого-либо специального обращения.

С точки зрения возрастного и гендерного состава погребенных, захоронения предельно разнообразны. Некоторые умершие (маленькие дети и часть взрослых) были захоронены согласно тра-

диции срубного погребального обряда – скорчено на левом боку, в сопровождении посуды (поселения Родниковое [Купцова, Файзуллин, 2012], Устье [Древнее Устье..., 2013. С. 111–112], Лисьи Горы [Петров, Куприянова, 2016], Мурадымовское [Обыденнова Шутелева, Щербаков, 2008], Кизыльское [Стоколос, 2004. С. 223–225]). Другие погребенные (или части их скелетов), как правило, взрослые люди, несли на себе следы особого обращения (частичное обожжение, расчленение, захоронение лишь части тела) и/или находились в нестандартной позиции (поселения Таналык I [Гарустович, Котов, 2007], Кузьминковское II, Покровское, Токское, взрослое захоронение на Устье [Порохова, 1989. С. 62; Моргунова, Халяпин, Халяпина, 2001; Файзуллин, 2012; Древнее Устье..., 2013. Рис. 2.70. С. 114–115], Коркино, Мирный IV [Чемякин, 2015], Лисаковское [Усанова, 2005]). Отдельные человеческие кости находились в слое поселения или в заполнении жилищ на селище Горный [Антипина, 2004. С. 239].

Антропологические определения останков сделаны для селища Горный, Мурадымовского и Токского поселений, частично, Таналык I, Устья и Коркино, для погребения на поселении Лисьи Горы. На Токском поселении (определения А.А. Хохлова) были найдены кости не менее 10 индивидов, из которых лишь один был ребенком 12–14 лет. Еще один скелет был идентифицирован как женский (20–25 лет), остальные кости принадлежали мужчинам в возрасте от 30 до 50 лет [Файзуллин, 2012. С. 228]. В парном погребении на Мурадымовском поселении были захоронены мужчина и женщина 40–45 лет, уложенные на левый бок «поверх вала» поселения. Дети, один в постройке, другой в площади вала (8,5 месяцев и 1,2–1,5 лет) были погребены в стандартной позиции на левом боку, в сопровождении срубной керамики [Обыденнова, Шутелева, Щербаков, 2002. С. 78]. Таналык I – минимум три погребения принадлежало взрослым, одно из них женское. Тела были захоронены без соблюдения погребальных стандартов, скелеты неполные [Гарустович, Котов, 2007. С. 35]. На селище Горный найдены кости от двух новорожденных, подростка, взрослых мужчины и женщины (минимум трех человек) [Антипина, 2004. С. 239]. На поселениях Коркино и Мирный IV были обнаружены кости взрослых мужчин, очевидно, погибших в результате нападения [Чемякин, 2015].

В отличие от перечисленных выше, погребение на поселении Лисьи Горы выглядит преднамеренным [Петров, Куприянова, 2016]. При раскопках одиночного менгира на краю поселения, под менгиром было обнаружено погребение женщины возрастом около 30 лет, совершенное по срубному обряду, с двумя новорожденными детьми (близнецами?). Тела детей были уложены перед лицом умершей. Погребение сопровождали два сосуда срубного типа и кости ног овцы. На женщину были надеты два бронзовых браслета, в области черепа найдены пастовые бусины.

По-видимому, традиция погребений на поселениях не прервалась и в период *финальной бронзы*. Захоронения детей на поселениях Кизильское [Стоколос, 2004] и Шибаево [Нелин, 2004] авторы раскопок на основании керамики относят к самой поздней фазе заселения этих памятников.

Обсуждение и выводы

Истоки возникновения обычая захоронений человеческих останков на поселениях бронзового века Южного Урала до сих пор не ясны. Взгляд на запад, юго-запад и юг в поисках аналогий уводит нас не только очень далеко территориально, но и очень глубоко хронологически – как минимум, в ранний бронзовый век земледельческих культур Балкан и Средней Азии [Мишина, 2010; Хронология эпохи..., 2005. С. 324–325].

Ближайшие синхронные синташтинско-петровскому горизонту захоронения в постройках можно обнаружить лишь на Алтае [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2004. С. 80–83; Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2011. С. 25]. При раскопках поселения Березовая Лука (елунинская культура, XXII–XX вв. до н.э.) [Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2011. С. 76] были обнаружены минимум девять детских погребений. Возраст детей определен в пределах 0–4 месяцев. Авторы отмечают, что признаки обряда в целом соответствуют принятому в елунинской культуре экстрамуральному способу захоронения, однако интерпретируют погребения в постройках как намеренный инфантицид [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2004. С. 222]. В более поздние периоды на территории Западной Сибири (эпоха поздней бронзы и переходное время к раннему железному веку) находки человеческих останков на поселениях и преднамеренные погребения становятся более многочисленными [Берсенева, Кайзер, Мыльникова, 2019].

Таким образом, рассмотрев погребения на поселениях абашевско-синташтинского периода, можно заключить, что в это время захоронение в жилом пространстве *детей* было частью нормативной погребальной практики. Этим погребениям относительно много, они устроены в соответствии с основными правилами и отличаются от захоронений на могильниках лишь своей локализацией в жилом пространстве. Про погребения *взрослых* этого сказать нельзя. Собственно, на весь период у нас имеется всего два рассмотренных выше примера и оба они далеки от «стандарта». Погребения взрослых на Мало-Кизильском селище выглядят случайными, их позиции и контекст говорят о том, что эти люди не были захоронены в соответствии с правилами и в подобающем месте – они остались там, где их застигла смерть. Захоронение на Малоюлдашево, безусловно, преднамеренное и устроено в соответствии с большинством канонических правил, однако, сама локализация погребения, отсутствие могильной ямы, позиция скелета 3, травмы на черепе женщины – все это свидетельствует о необычных событиях, результатом которых стал этот погребальный комплекс. Таким образом, погребения взрослых на поселениях этого времени можно

отнести к разряду «девиантных» – то есть, не вписывающихся в модель погребальной обрядности социума [см. подробнее: Aspöck, 2008].

Интерпретируя захоронения на поселениях в эпоху поздней бронзы (срубно-андроновский период), необходимо осознать, что погребения эти разнотипны, и, следовательно, могут быть детерминированы различными причинами. Погребения этого периода довольно многочисленны и могут быть разделены на три условных типа. К первому типу отнесены захоронения, устроенные в соответствии с правилами, диктуемыми срубными или алакульскими погребальными канонами (нормативные). Здесь есть примеры как детских захоронений, так и взрослых. Второй тип – погребения, не соответствующие канонам обрядности, расчлененные, изувеченные тела в нестандартной позиции (девиантные). Все они, судя по имеющимся данным, принадлежали взрослым, мужчинам в большей степени, чем женщинам. И наконец, третий тип – находки отдельных костей или частей скелета, как правило, и детских, и взрослых.

В гендерно-возрастном аспекте, на поселениях обнаружены кости или детей до 2 лет, или взрослых. Дети старшей возрастной группы (2–10 лет) среди изученных антропологами останков не представлены. Представляется, что захоронения взрослых совершались уже на заброшенных участках поселения или на его окраинах, тогда как детские могли совершаться в еще функционирующих жилищах, о чем свидетельствует подхоронение с вскрытием и последующей реставрацией пола жилища (Устье) или прорезание могильной ямы более поздней столбовой конструкцией при ремонте или перестройке строения (Аркаим).

Погребения на поселениях часто рассматриваются как единое целое и трактуются как «жертвенные» без достаточных оснований. Однако, очевидно, что это следы *различных* действий, которые были предприняты с *различными* намерениями.

Возможные причины детских интрамуральных захоронений были рассмотрены в отдельной статье [Виноградов, Берсенева 2013], они довольно широко практиковались в мировой погребальной практике. Взрослые погребения не могут быть интерпретированы в едином ключе. Погребения первого типа могли быть совершены в случае, если не было возможности, времени (уход коллектива на другое место обитания, ритуал оставления поселения, конфликт с соседями) или сил похоронить умерших на экстрамуральном кладбище, или как знак особого внимания – погребение с менгиром на окраине поселка Лисьи Горы.

Погребения второго типа, возможно, действительно были результатом насилия, конфликта, преступления или узаконенного насилия (жертвоприношение, казнь). Возникает вопрос, почему, в таком случае, эти люди были захоронены в такой близости от жилья? Возможно потому, что эти участки уже не являлись жилыми? Поселение погибло в результате конфликта и умерших было некогда захоронить? Качество публикации контекста

находок и недостаток антропологических исследований не позволяют уверенно склониться в пользу одной из версий.

Что касается отдельных костей, найденных в культурном слое или в заполнении построек, трудно судить, результатом каких действий они могли являться. Кости могли служить объектами манипуляций со стороны людей в ходе обрядов, а кости новорожденных, возможно, могли происходить из разрушенных детских погребений.

Заключение

В заключение следует сказать, что погребения на поселениях распространены по всей территории срубной общности от Урала до Крыма [Памятники..., 1993. С. 87. Табл. 68–1; Лопатин, 2002. С. 63; 2014. С. 148; Круглов, Подгаецкий, 1935. С. 52–53; Гей, 1978. С. 120–121; Пряхин, 1993. С. 151 и т.д.]⁴ Проблема заключается в почти полном отсутствии антропологических определений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алаева И.П. Традиция детских погребений на синташтинских и петровских памятниках Южного Зауралья // *Материалы XXX Урало-Поволжской археологической конференции молодых ученых.* Самара: СамГУ, 1998. С. 84–85.

Антипина Е.Е. Археозоологические материалы // *Каргалы, том III: Селище Горный: Археологические материалы: технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 182–239.*

Антонова Е.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.: Наука, 1990. 287 с.

Берсенева Н.А., Кайзер Э., Мильникова Л.Н. Пространство не только для живых: человеческие останки на поселениях бронзового века Евразии // *Уральский исторический вестник.* 2019. № 4. С. 133–138. DOI: 0.30759/1728-9718-2019-4(65)-133-138.

Виноградов Н.Б. Кулевчи III – памятник петровского типа в Южном Зауралье // *Памятники эпохи неолита и бронзы / КСИА.* 1982. Вып. 169. С. 94–99.

Виноградов Н.Б., Берсенева Н.А. Интрамуральные захоронения детей на поселениях первой трети II тыс. до н.э. (в Южном Зауралье) // *Археология, этнография и антропология Евразии.* № 3. 2013. С. 59–67. DOI: 10.1016/j.aea.2014.03.008

Гарустович Г.Н., Котов В.Г. Таналыкское I поселение // *Уфимский археологический вестник.* 2007. Вып. 6–7. С. 32–49.

Гей А.Н. Раскопки Самсоновского поселения // *Археологические открытия 1977 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1978. С. 120–121.*

Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья: Учебное пособие к спецкурсу. Уфа: Башкирский пед. ин-т, 1986. 96 с.

Из публикаций явствует, что большинство погребенных было взрослыми, уложенными в обычной позиции на левом боку, сопровождаемыми посудой. В ряде случаев были зафиксированы бронзовые украшения.

Таким образом, основываясь на имеющихся данных, можно заключить, что в ранний, абашевско-синташтинский период, погребения детей на поселениях является вариантом нормативной погребальной практики, взрослые захоронения выглядят скорее *девиантными*, то есть неординарными, не вписывающимися в каноны погребального обряда изучаемых культур. В срубно-андроновский период погребения взрослых на поселениях уже допускаются нормативной погребальной практикой, однако, ряд захоронений по-прежнему ей не соответствуют. В целом, неординарные (девиантные) погребения связаны в оба периода с взрослыми индивидами.

Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: АБРИС, 2013. 482 с.

Епимахов А.В. Бронзовый век Южного Урала (экономический и социальный аспекты). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2010. 55 с.

Зданович Г.Б., Малютина Т.С., Зданович Д.Г. Аркаим. Археология укрепленных поселений. Кн. 1. Жилища и жилое пространство. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2020. 450 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. 1. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2004. 288 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. 2. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2011. 171 с.

Круглов А.П., Подгаецкий Г.В. Родовое общество степей Восточной Евразии (основные формы материального производства) // *ИГАИМК.* Вып. 119. М.-Л.: ОГИЗ, 1935. 176 с.

Курьянова Е.В. Альтернативные погребальные практики: погребения людей на поселениях бронзового века // *Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии: Сб. науч. тр. к 80-летию Геннадия Борисовича Здановича / Отв. ред. Д.Г. Зданович.* Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2018. С. 184–197.

Кутцова Л.В., Файзуллин И.А. Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье // *Археологические памятники Оренбуржья* Вып. 10 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. С. 70–100.

Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья: Учеб. пособие. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. 136 с.

⁴ Хочу выразить благодарность Р.А. Мимоходу за предоставленную им сводку погребений на поселениях восточно-европейской части срубной КИО.

Лопатин В.А. Начало эпохи поздней бронзы на севере Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2014. 292 с.

Мишина Т.Н. Социальный аспект изучения интрамуральных детских погребений (по материалам эпохи ранней бронзы телля Юнаците, Балканы) // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 136–149.

Моргунова Н.Л., Халяпин М.В., Халяпина О.А. ПКузьминковское поселение эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 5 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С. 99–125.

Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Купцова Л.В. Погребальный комплекс синташтинского времени на поселении Малоюлдашево I в Западном Оренбуржье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 2. С. 64–71. DOI: 10.17746/1563–0102.2015.43.2.064–071.

Нелин Д.В. Шибаво I: поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестник ЧГПУ. 2004. Вып. 2. С. 150–180.

Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербатов Н.Б. Место Мурадымовского поселения в системе памятников бронзового века Башкирского Приуралья // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова (март 2002 г., Санкт-Петербург). Кн. I. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 205–206.

Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербатов Н.Б. Итоги работы археологической экспедиции БГПУ им. М. Акмуллы за последние 10 лет (1998–2008 г.) // Труды КАЭЭ. Вып. 5 / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2008. С. 76–83.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье (САИ. Вып. В 1–10. Т. 1). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1993. 200 с.

Петров Ф.Н., Куприянова Е.В. Поселения эпохи бронзы в Аркаимской долине: по результатам разведочных исследований 1997–2015 гг. М.: Московский областной общественный фонд «Наследие», 2016. 148 с.

Порохова О.И. Срубно-алакульское Покровское поселение в Западном Оренбуржье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Морозов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 60–71.

Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2016. 196 с.

Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1976. 168 с.

Пряхин А.Д. Мосоловский пласт памятников эпохи поздней бронзы евразийской степи и лесостепи // Культура народов евразийских степей в древности / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 147–160.

Сальников К.В. Абашевская культура на Южном Урале // Советская археология. 1954. XXI. С. 52–94.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Стоколос В.С. Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник ЧГПУ. 2004. Вып. 2. С. 207–236.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда – Лисаковск: Караганд. гос. ун-т им. Е.А. Букетова, 2005. 232 с.

Файзуллин И.А. Погребения на поселениях эпохи бронзы на территории Западного Оренбуржья // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14. № 3. С. 226–230.

Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе) (Труды ИИМК РАН. Т. XVI). СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. Института истории РАН «Нестор-История», 2005. 540 с.

Чемякин Ю.П. Следы военных конфликтов на алакульских поселениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск: Челяб. гос. краеведч. музей, 2015. С. 169–176.

Черных Е.Н. Металл – человек – время. М.: Наука, 1972. 208 с.

Aspöck E. What Actually is a ‘Deviant Burial’? Comparing German-Language and Anglophone Research on ‘Deviant Burials’. In: E.M. Murphy (ed.) *Deviant Burial in the Archaeological Record*, Oxford: Oxbow Books, 2008. P. 17–34.

Krause R., Koryakova N.L. (eds.). *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. 355 p.

REFERENCES

Alaeva, I.P. “Tradition of children’s burials at the Sintashta and Petrovka sites in the Southern Trans-Urals”, *Materialy XXX Uralo-Povolzhskoj arheologicheskoy konferencii molodyh uchenyh* (“Proceedings of the 30th Ural-Volga archaeological conference of young scientists”). Samara, 1998, pp. 84–85. (In Russ.)

Antipina, E.E. “Archaeozoological assemblages”, *Kargaly, tom III: Selishhe Gornyj: Arheologicheskije materialy: tehnologija gorno-metallurgicheskogo proizvodstva: Arheobiologicheskije issledovanija*

(“Kargaly, volume 3: Gorny settlement: Archaeological data: technology of mining and metallurgical production: Archaeobiological research”). Moscow, 2004, pp. 182–239. (In Russ.)

Antonova, E.V. 1990, *Rituals and beliefs of the prehistoric farmers in the East*. Nauka, Moscow, 287 p. (In Russ.)

Berseneva N.A., Kaizer E., & Mylnikova L.N. 2019, “A space not only for the living beings: human bone remains at the Bronze Age settlements in Eurasia”, *Ural Historical Journal*, no. 4, pp. 133–138.

- (In Russ.). doi: 0.30759/1728-9718-2019-4(65)-133-138.
- Vinogradov, N.B. 1982, “Kulevchi III – a site of the Petrovka type in the Southern Trans-Urals”, *KSIA*, vol. 169, pp. 94–99. (In Russ.)
- Vinogradov, N.B., Berseneva, N.A. 2013, “Intramural children’s burials at the sites dated to the first third of the 2nd millennium BC (Southern Trans-Urals)”, *Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, no. 3, pp. 59–67. (In Russ.). doi: 10.1016/j.aeae.2014.03.008.
- Alaeva, I.P., Bachura, O.P., & Vinogradov, N.B., Grigoryev, S.A., Gutkov, A.I., Kosintsev, P.A., Kuzminykh, S.V., Kungurova, N.Y., Levit, A.I., Hanks, B.K., Chechushkov, I.V., Dunan, R.K., Pitman, D., Muzhich, B., Medarich, I., Mori, M., Epimakhov, A.V. 2013, *Drevneye Ustye: a fortified settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals*. Izdatel'stvo ABRIS, Chelyabinsk, 482 p. (In Russ.)
- Garustovich, G.N., Kotov, V.G. 2007, “Tanalyk I settlement”, *Ufa Archaeological Herald*, vol. 6–7, pp. 32–49. (In Russ.)
- Gej, A.N. 1978, “Excavations of the Samsonovo settlement”, *Arheologicheskie otkrytija of 1977*, pp. 120–121. (In Russ.)
- Gorbunov, V.S. 1986, *The Abashevo culture of the Southern Cis-Urals: a student's handbook to the academic minor*. Bashkir State Pedagogical University, Ufa, 96 p. (In Russ.)
- Epimakhov A.V. 2010, *The Southern Ural in the Bronze Age (economic and cultural aspects). Dissertation abstract of Doctor of Historical Sciences*. Ekaterinburg, 55 p. (In Russ.)
- Zdanovich, G.B., Malutina T.S., & Zdanovich D.G. 2020, *Arkaim. Archeology of fortified settlements. Book. 1. Dwellings and living spaces*. Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, 450 p. (In Russ.)
- Kirushin, Y.F., Maloletko, A.M., & Tishkin, A.A. 2004, *Berezovaja Luka – the Bronze Age settlement in Aley steppe. Tom 1*. Altai State University, Barnaul, 288 p. (In Russ.)
- Kirushin, Y.F., Tishkin, A.A., & Grushin, S.P. 2011, *Berezovaja Luka – the Bronze Age settlement in Aley steppe. Tom 2*. Altai State University, Barnaul, 171 p. (In Russ.)
- Kruglov, A.P., Podgaeckij, G.V. 1935, *Clan society in the steppes of Eastern Eurasia (main forms of material production)*. OGIZ, Moscow-Leningrad, 176 p. (In Russ.)
- Kupriyanova, E.V. “Alternative burial practices: human burials at the Bronze Age settlements” *Stepnaja Evrazija v jepohu bronzy: kul'tury, idei, tehnologii. Sb. nauch. tr. k 80-letiju Gennadija Borisovicha Zdanovicha* (“Steppe Eurasia in the Bronze Age: cultures, ideas, technologies: A collection of articles to the 80th anniversary of birth of Gennady Borisovich Zdanovich”). Chelyabinsk, 2018, pp. 184–197. (In Russ.)
- Kuptsova, L.V., Faizullin, I.A. 2012, “The Late Bronze Age settlement of Rodnikovoye in Western Orenburg region”, *Arheologicheskie pamjatniki Orenburzh'ja*, vol. 10, pp. 70–100. (In Russ.)
- Lopatin, V.A. 2002, *Settlements of the Srubnaya culture in the steppe Volga-Ural region: a student's handbook to the academic minor*. Saratov State University, Saratov, 136 p. (In Russ.)
- Lopatin V.A. 2014, *The beginning of the Late Bronze Age in the North part of the Lower Volga region*. Saratov State University, Saratov, 292 p. (In Russ.)
- Mishina, T.N. 2010, “The social aspect of the study of intramural children’s burials (based on the data of the Early Bronze Age from Tell Yunatsite, Balkans)”, *KSIA*, vol. 224, pp. 136–149. (In Russ.)
- Morgunova, N.L., Halyapin, M.V., & Halyapina, O.A. 2001, “The Bronze Age settlement of Kuzminkovskoye II”, *Arheologicheskie pamjatniki Orenburzh'ja*, vol. 5, pp. 99–125. (In Russ.)
- Morgunova, N.L., Evgenev, A.A., & Kuptsova, L.V. 2015, “A funerary complex of the sintashta age at Maloyldashevo I, western Orenburg province”, *Archaeology ethnography and anthropology of Eurasia*, no. 2, pp. 64–71. (In Russ.). doi: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.064-071.
- Nelin, D.V. 2004, “Shibaev 1: the Bronze Age settlement in the Southern Trans-Urals”, *Chelyabinsk State Pedagogical University Bulletin*, vol. 2, pp. 150–180. (In Russ.)
- Obydenova, G.T., Shuteleva, I.A., & Shcherbakov, N.B. “The place of Muradymovsk settlement in the system of the Bronze Age sites in the Bashkir Cis-Urals”, *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* (“Eurasian steppes in the Ancient times and Middle Ages”), vol. 1, Sankt-Petersburg, 2002, pp. 205–206. (In Russ.)
- Obydenova, G.T., Shuteleva, I.A., & Shcherbakov, N.B. 2008, “The results of work of the archaeological expedition of the BSPU named after M. Akmulla over the last 10 years (1998–2008)”, *Trudy KAEF*, vol. 5, pp. 76–83. (In Russ.)
- Galkin, L.L., Dremov, I.I., & Zhelezchikov, B.F., Izotova, M.A., Kim, M.G., Kocherzhenko, O.V., Lopatin, V.A., Maximov, E.K., Mamontov, V.I., Melnik, V.I., Myskov, E.P., Fedorova-Davydova, E.A., Shevchenko, A.V., Shilov, V.P., Shnaydshtein, E.V., Kachalova, N.K. 1993, *Archaeological sites of the Srubnaya culture. The Volga-Ural interfluvium. SAI, V 1–10, vol. 1*. Saratov State University, Saratov, 200 p. (In Russ.)
- Petrov, F.N., Kupriyanova, E.V. 2016, *The Bronze Age settlements in the Arkaim valley: based on the results of the field surveys in 1997–2015*. Moskovskij oblastnoj obshhestvennyj fond «Nasledie», Moscow, 148 p. (In Russ.)
- Porohova, O.I. “Pokrovskoe settlement of the Srubnaya-Alakul culture in Western Orenburg region”, *Materialy po jepohe bronzy i rannego zheleza Juzhnogo Priural'ja i Nizhnego Povolzh'ja* (“Data related to the Bronze Age and the Early Iron Age in the Southern Urals and the Lower Volga regions”). Ufa, 1989, pp. 60–71. (In Russ.)
- Evgeniev, A.A., Kuptsova, L.V., & Mukhametdinov, V.I., Roslyakova, N.V., Usachuk, A.N., Faizullin, I.A., Khokhlov, A.A. 2016, *The Neolithic and Late Bronze Age Maloyldashevo I settlement in Western*

Orenburg region. Izdatel'skij centr OGAU, Orenburg, 196 p. (In Russ.)

Pryahin, A.D. 1976, "The Abashevo communion settlements". VGU, Voronezh, 168 p. (In Russ.)

Prjahnin, A.D. "The Mosolovskiy layer of the Late Bronze Age sites in the Eurasian steppe and forest-steppe", *Kul'tura narodov evrazijskih stepej v drevnosti* ("The culture of the Eurasian steppe population in the Ancient times"). Barnaul, 1993, pp. 147–160. (In Russ.)

Salnikov, K.V. 1954, The Abashevo culture in the Southern Urals, *Sovetskaya arheologiya*, no. 21, pp. 52–94. (In Russ.)

Salnikov, K.V. 1967, "Essays on the Ancient history of the Southern Urals". Moscow: Nauka, 408 p. (In Russ.)

Stokolos, V.S. 2004, "The Late Bronze Age settlement of Kizil'skoe on the Ural river (based on the assemblages from excavations in 1971, 1980, 1981)", *Chelyabinsk State Pedagogical University Bulletin*, vol. 2, pp. 207–236. (In Russ.)

Usmanova, E.R. 2005, "Lisakovsk I necropolis: facts and parallels". KarGU, Karaganda, Lisakovsk, 232 p. (In Russ.)

Faizullin, I.A. 2012, "Burials at the Bronze Age settlements in the Western Orenburg region", *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN*, vol. 14, no. 3, pp. 226–230. (In Russ.)

Kircho, L.B., Alekshin, V.A. 2005, *Chronology of Central Asia in the Late Chalcolithic – the Middle Bronze Age periods (burials of Altyn-Depe)*. «Nestor-Istoriya», Saint-Petersburg, 540 p. (In Russ.)

Chemiyakin, Y.P. "Traces of military conflicts at the Alakul settlements", *Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale: materialy VI Vseros. nauch. konf.* ("Ethnic interactions in the Southern Urals: proceedings of the 6th all-Russian scientific conference"). Chelyabinsk, 2015, pp. 169–176. (In Russ.)

Chernyh, E.N. 1972, *Metal – man – time*. Nauka, Moscow, 208 p. (In Russ.)

Aspöck, E. (2008), What Actually is a 'Deviant Burial'? Comparing German-Language and Anglophone Research on 'Deviant Burials'. In: E. M. Murphy (ed.) *Deviant Burial in the Archaeological Record*, Oxbow Books, Oxford, pp. 17–34.

Krause R., Koryakova N.L. (eds.). *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. 355 p.

Сведения об авторе

Наталья Александровна Берсенева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт истории и археологии УрО РАН, Российская Федерация, г. Челябинск. E-mail: bersnatasha@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2554-6205

Information About the Author

Natalia A. Berseneva, Doctor of Historical Sciences, leading researcher. Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS, Russian Federation, Chelyabinsk. E-mail: bersnatasha@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2554-6205